Институт условно-досрочного освобождения: теория и практика реализации

Синицина Марина Вячеславовна
магистр уголовного, гражданского и административного судопроизводства, Военный комиссариат Тульской обл., marina151722@ya.ru

Институты условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания занимают особое место в системе мер уголовно-правового воздействия. Выступая ключевыми элементами гуманизации уголовной политики, они призваны стимулировать правопослушное поведение осуждённых, способствовать их исправлению и ресоциализации, а также обеспечивать экономию мер государственного принуждения и снижение нагрузки на учреждения уголовно-исполнительной системы. Эффективное применение данных институтов позволяет не только достичь целей наказания без дальнейшей изоляции лица от общества, но и возвращать обществу полноценных граждан, утративших криминогенные установки.
Ключевые слова: условно-досрочное освобождение, гуманизация уголовной политики, изоляция лица от общества, уголовно-исполнительная система

В условиях реформирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, расширения практики применения наказаний, не связанных с лишением свободы, и внедрения института пробации вопросы совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в сфере досрочного освобождения приобретают особую значимость. Вместе с тем, как свидетельствуют доктринальные источники и материалы судебной практики, применение норм статей 79 и 80 Уголовного кодекса Российской Федерации сопряжено с многочисленными проблемами: неоднозначностью толкования оценочных критериев исправления, отсутствием единообразных подходов к оценке поведения осуждённых, формализмом при подготовке материалов, противоречивостью судебных решений и недостаточной эффективностью постпенитенциарного контроля.

Степень разработанности темы. Теоретические и прикладные аспекты институтов досрочного освобождения от наказания неоднократно становились предметом научного анализа. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли такие учёные, как В. Б. Боровиков, А. В. Бриллиантов, В. Ю. Голубовский, В. С. Комиссаров, А. И. Рарог, А. И. Чучаев и другие. В их трудах исследованы понятие, юридическая природа, основания и условия применения УДО и замены наказания, а также отдельные аспекты правоприменительной практики. Проблемы толкования критериев исправления, учёта мнения администрации и потерпевших, а также вопросы совершенствования законодательства поднимаются в статьях О. Р. Афанасьевой, А. О. Бекетова, М. Б. Глазкова, И. А. Давыдовой, Ю. Н. Мехтидиса, С. А. Пимантьевой, К. Н. Радченко и других авторов. Вместе с тем, многие вопросы остаются дискуссионными, а комплексный анализ теоретических основ и практики применения рассматриваемых институтов в их взаимосвязи, с учётом последних изменений законодательства и современных тенденций судебной практики, предпринят недостаточно полно, что подтверждает необходимость дальнейшего исследования.

1. Уточнённая авторская трактовка юридической природы условно-досрочного освобождения и замены наказания, которая в отличие от существующих подходов (рассматривающих их исключительно как право суда или как субъективное право осуждённого) обосновывает их комплексную правовую природу, сочетающую элементы субъективного права осуждённого на инициирование процедуры и дискреционных полномочий суда, реализуемых на основе всесторонней оценки совокупности формальных и материальных критериев, что обеспечивает баланс интересов личности, общества и государства.

2. Разработанная авторская классификация критериев оценки степени исправления осуждённого, интегрирующая формально-статистические показатели (наличие поощрений и взысканий, трудоустройство) и качественно-личностные характеристики (отношение к содеянному, динамика психологических изменений, социальные связи, прогноз поведения), позволяющая дифференцированно подходить к решению вопроса о досрочном освобождении и минимизировать риск судебного субъективизма.

3. Обоснованная система проблемных факторов, препятствующих эффективному применению замены неотбытой части наказания более мягким видом, основными из которых являются: недоверие судов к эффективности

контроля за исполнением альтернативных наказаний; недостаточное развитие инфраструктуры исправительных центров и уголовно-исполнительных инспекций; пробелы в правовом регулировании порядка выбора конкретного вида наказания при замене; что в совокупности приводит к недоиспользованию потенциала данного института как инструмента постепенной ресоциализации.

4. Доказанная необходимость и предложенная модель интеграции институтов досрочного освобождения с системой пробации, включающая: внедрение научно обоснованных методик прогнозирования риска рецидива на этапе подготовки к освобождению; создание единого информационного ресурса для обмена данными между судами, исправительными учреждениями и службой пробации; законодательное закрепление механизма социального сопровождения освобождённых, что позволит повысить эффективность постпенитенциарного контроля и снизить уровень рецидивной преступности.

5. Разработанный комплекс научно-практических рекомендаций по совершенствованию уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, включающий предложения по конкретизации в ст. 79 и 80 УК РФ перечня обстоятельств, подлежащих обязательному учёту судом; унификации порядка исчисления сроков возникновения права на обращение; регламентации единого стандарта характеристики осуждённого; уточнению процессуального статуса потерпевших; применение которого позволит обеспечить единообразие судебной практики и повысить обоснованность решений об УДО и замене наказания.

Теоретическая значимость исследования заключается в приращении научного знания о правовой природе, содержании и проблемах реализации институтов условно-досрочного освобождения и замены наказания, в систематизации теоретических подходов к определению критериев исправления, а также в выявлении и обосновании направлений дальнейших научных исследований в данной сфере.

Практическая значимость исследования состоит в том, что сформулированные в работе выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности при совершенствовании норм УК РФ и УИК РФ; в практике судов общей юрисдикции и органов уголовно-исполнительной системы для обеспечения единообразного и обоснованного применения законодательства; в учебном процессе образовательных организаций юридического профиля при преподавании курсов уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии; а также в дальнейших научных исследованиях по данной проблематике.

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования и включает введение, три главы, объединяющие шесть параграфов, заключение, список использованных источников и приложения. Последовательность изложения материала отражает логику исследования: от анализа теоретико-правовых основ и исторического развития институтов к исследованию правового регулирования и практики применения, и далее – к выявлению проблем и формулированию предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности.

Институты досрочного освобождения от наказания, в частности условно-досрочное освобождение (УДО) и замена неотбытой части наказания более мягким видом, представляют собой одни из наиболее значимых и динамично развивающихся механизмов в системе уголовного права. Их существование неразрывно связано с эволюцией философской мысли о целях наказания, переходом от идей простого возмездия к принципам гуманизма, исправления осужденного и экономии мер государственного принуждения. Изучение генезиса данных институтов позволяет не только проследить логику законодателя, но и выявить глубинные причины современных проблем правоприменения, а сравнительно-правовой анализ открывает перспективы для заимствования наиболее эффективных моделей регулирования. Формирование рассматриваемых правовых явлений проходило сложный путь от единичных актов помилования до системного законодательного регулирования, отражая уровень правовой культуры и общественных отношений в конкретный исторический период [29, с. 390].

Зарождение идей о досрочном освобождении в европейской правовой мысли традиционно связывают с деятельностью пенитенциарных систем конца XVIII - начала XIX века. Однако первые прообразы такого освобождения можно обнаружить и в более ранние периоды, когда они существовали в виде привилегий для отдельных сословий или как результат монаршего милосердия. Переломным моментом стало распространение идей классической школы уголовного права, провозгласившей, что наказание должно быть не только справедливым, но и целесообразным. Практическая реализация этих идей впервые была осуществлена в Англии с введением системы «прогрессивной тренировки» капитана Маконочи, а затем и в Ирландии Уолтером Крофтоном, где заключенные могли переходить из строгих условий содержания к более мягким и, в конечном счете, к освобождению под честное слово. Именно опыт английской и ирландской тюремных систем стал фундаментом для законодательного закрепления института УДО [9, с. 210; 14, с. 450].

Французский законодатель одним из первых в континентальной Европе воспринял эту практику, закрепив в 1885 году в Законе об условном осуждении и условно-досрочном освобождении («Либерте»). Данный акт предусматривал возможность освобождения осужденного, отбывшего определенную часть срока, при условии его примерного поведения и доказанного исправления, однако освобожденный оставался под надзором администрации и мог быть возвращен в тюрьму в случае нарушения условий. Эта модель, основанная на идее доверия к осужденному и контроля за ним, оказала колоссальное влияние на развитие законодательства других стран, включая Российскую империю [10, с. 520]. Германское уголовное уложение 1871 года также содержало положения об условном освобождении, хотя и с определенными особенностями, связанными с федеративным устройством и разнообразием земельных пенитенциарных систем. Таким образом, к концу XIX века в ведущих европейских державах сложилось понимание того, что цель исправления может быть достигнута не только внутри тюремных стен, но и за их пределами, под угрозой возврата к реальному отбыванию наказания.

В дореволюционной России институт условно-досрочного освобождения был официально введен Уголовным уложением 1903 года, которое, хотя и не было введено в действие в полном объеме, содержало прогрессивные для своего времени нормы. Статья 18 Уложения предусматривала, что приговоренный к заключению в исправительном доме или тюрьме, отбывший установленные законом сроки (как правило, три четверти назначенного срока), мог быть освобожден от дальнейшего заключения, если его поведение давало основание предполагать, что он вступил на путь исправления. Примечательно, что решение об освобождении принималось судом по месту заключения по представлению тюремной администрации. Данная норма стала результатом глубокой теоретической проработки вопроса российскими правоведами, которые

внимательно изучали западный опыт и предлагали адаптировать его к отечественным реалиям [29, с. 393]. Несмотря на то, что полноценная реализация этих норм была прервана революционными событиями 1917 года, сама по себе кодификация УДО в Российской империи свидетельствовала о высоком уровне развития юридической техники и гуманистических тенденций в отечественной науке уголовного права.

Советский период ознаменовался кардинальным пересмотром отношения к институтам досрочного освобождения. Первые декреты советской власти, отменяя старые законы, ввели новые, классовые подходы к наказанию. Однако идея досрочного освобождения не исчезла, а трансформировалась, приобретя ярко выраженную политическую и воспитательную окраску. Исправительно-трудовой кодекс РСФСР 1924 года закрепил такие формы, как условно-досрочное освобождение и замена наказания более мягким, связывая их с выполнением осужденными производственных норм и участием в общественной жизни. При этом доминировала концепция «воспитания трудом», и досрочное освобождение рассматривалось как мощный стимул для исправления и ударного труда [1, ст. 2954 (в исторической ретроспективе)]. Однако непоследовательность и частая смена политического курса приводили к тому, что применение этих норм было крайне нестабильным: периоды относительного либерализма (1920-е годы) сменялись годами тотального ужесточения репрессий (1930-1950-е), когда о массовом применении УДО не могло быть и речи.

Значительным шагом вперед стало принятие Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 года и последовавших за ними Уголовного и Исправительно-трудового кодексов РСФСР 1960 года. Именно в этот период институты досрочного освобождения получили детальную регламентацию, во многом определившую современную российскую модель. Статья 53 УК РСФСР устанавливала, что к лицу, отбывающему наказание в виде лишения свободы или исправительных работ, может быть применено условно-досрочное освобождение или замена наказания более мягким, если оно примерным поведением и честным отношением к труду доказало свое исправление. Важно отметить формальный признак - отбытие определенной части срока (от половины до двух третей в зависимости от тяжести преступления), а также особые условия для особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления [2; 11, с. 320]. Законодатель того времени стремился к балансу между стимулированием исправления и обеспечением безопасности общества, что выражалось в дифференциации сроков фактического отбытия наказания, необходимых для возникновения права на освобождение. Эта модель просуществовала с незначительными изменениями вплоть до распада СССР и заложила основу для современного понимания данных институтов.

Постсоветский этап развития российского уголовного законодательства, начавшийся с принятием Уголовного кодекса РФ 1996 года, ознаменовался новой кодификацией норм об УДО и замене наказания. Законодатель, восприняв многие принципы советского права, одновременно расширил диспозитивные начала и усилил судейское усмотрение. Так, часть 1 статьи 79 УК РФ сформулировала условие применения УДО как признание судом того, что для своего исправления лицо не нуждается в полном отбывании назначенного наказания. Категория «исправление», носившая в советском праве более формализованный характер, стала оцениваться судом на основе совокупности данных о поведении осужденного [12, с. 680]. Аналогичным образом была пересмотрена и статья 80 УК РФ, регулирующая замену неотбытой части наказания более мягким видом. В 2000-х и 2010-х годах в эти статьи неоднократно вносились изменения, касавшиеся как круга лиц, к которым могут быть применены данные меры, так и сроков фактического отбытия наказания. В частности, ужесточались требования к лицам, совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления, а также преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, что отражало реакцию законодателя на изменения криминогенной обстановки и общественные настроения [5; 6].

Сравнительно-правовой анализ институтов досрочного освобождения в современном мире демонстрирует многообразие подходов к их регулированию, обусловленное различиями в правовых системах, уголовной политике и национальных традициях. В странах англо-саксонской правовой семьи (США, Великобритания) широко распространена система «пароля» (parole), которая, как правило, является прерогативой не суда, а специализированных административных органов - комиссий по условно-досрочному освобождению. Эти комиссии оценивают готовность осужденного к выходу на свободу, опираясь на прогностические методики оценки риска рецидива, психологические тесты и отчеты тюремной администрации. В США, помимо федеральной системы, существуют различные модели в каждом штате: где-то комиссии обладают широкой свободой усмотрения, а где-то их полномочия ограничены жесткими законодательными предписаниями, например, правилом обязательного освобождения после отбытия определенной, четко установленной части срока («mandatory release») [9, с. 215; 10, с. 525].

В континентальной Европе, как и в России, доминирует судебный порядок применения досрочного освобождения. Это подчеркивает значимость судебного контроля за исполнением приговоров и рассматривается как дополнительная гарантия прав осужденных. Например, во Франции и Германии суды (или специализированные судьи по исполнению наказаний) принимают решение об УДО, оценивая поведение осужденного, его социальные связи, наличие жилья и работы после освобождения. Важной особенностью многих европейских систем является широкое использование пробационных служб, которые не только готовят материалы на осужденного к моменту рассмотрения вопроса об освобождении, но и осуществляют интенсивный надзор за ним в течение испытательного срока [14, с. 455]. Именно европейская модель, основанная на сочетании судебного контроля и профессионального социального сопровождения, рассматривается сегодня как наиболее сбалансированная, позволяющая минимизировать риски рецидива и успешно ресоциализировать осужденного.

Анализ постсоветского пространства показывает, что большинство стран СНГ сохранили преемственность с советским законодательством, однако также проводят собственные реформы. Например, Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает не только УДО и замену наказания, но и такие специфические формы, как пробационный контроль, который может назначаться после освобождения. Украинское законодательство, несмотря на сложный политический контекст, также сохраняет традиционные институты досрочного освобождения, связывая их с «сумлінною поведінкою» (добросовестным поведением) и отношением к труду. При этом в ряде стран наблюдается тенденция к усилению роли администрации исправительных учреждений в подготовке материалов и формировании первичного вывода о степени исправления осужденного [11, с. 325; 15, с. 120].

Возвращаясь к российской правовой системе, необходимо отметить, что институты УДО и замены наказания, будучи тесно связанными, имеют различную юридическую природу и целевое назначение, что подтверждается

и историческим опытом. УДО, как правило, означает полное освобождение от дальнейшего отбывания основного наказания, но с возможностью возложения на осужденного определенных обязанностей, предусмотренных частью 5 статьи 73 УК РФ. В этом смысле оно носит поощрительный характер, но сопровождается испытательным сроком, равным неотбытой части наказания. Замена наказания более мягким видом, напротив, не освобождает от уголовной ответственности, а лишь заменяет один вид карательно-воспитательного воздействия другим, менее строгим. Как отмечается в юридической литературе, данная мера является промежуточным этапом между строгими условиями изоляции и полной свободой, позволяя адаптировать осужденного к жизни в обществе [12, с. 682; 16, с. 290].

Эволюция этих институтов в отечественном праве демонстрирует постепенный отход от чисто формальных критериев (например, отбытие определенного срока, перевыполнение норм выработки) к более сложным, оценочным категориям, таким как «степень исправления», «поведение в период отбывания наказания», «отношение к учебе и труду». Однако этот процесс порождает и новые проблемы, связанные с неоднородностью судебной практики, отсутствием четких критериев оценки этих категорий, что нередко приводит к субъективизму и ошибкам. Как справедливо указывают современные исследователи, суды зачастую формально подходят к оценке личности осужденного, ориентируясь преимущественно на наличие или отсутствие взысканий, игнорируя более глубокие изменения в ценностных ориентациях индивида [18, с. 10; 20; 27, с. 216].

Сравнение с зарубежными аналогами позволяет выявить ряд перспективных направлений для совершенствования российского законодательства. В частности, заслуживает внимания опыт использования специализированных структур, подобных комиссиям по паролю, которые могли бы на более раннем этапе подключаться к процессу подготовки осужденного к освобождению. Однако в условиях российской правовой реальности передача этих полномочий от суда административным органам представляется маловероятной и не вполне соответствующей конституционным принципам правосудия [6; 8]. Более реалистичным выглядит внедрение в уголовно-исполнительную практику научно обоснованных методик прогнозирования поведения осужденных после освобождения, что могло бы стать дополнительным инструментом для судей при принятии решений [19, с. 188; 36, с. 100].

Еще одним важным историко-правовым аспектом является изменение подходов к определению минимальных сроков, необходимых для возникновения права на досрочное освобождение. Если в ранних советских кодексах эти сроки были относительно небольшими (половина срока), что отражало веру в быструю перековку человека, то современный УК РФ, особенно после ужесточений последних лет, устанавливает дифференцированные сроки вплоть до четырех пятых от назначенного наказания для наиболее тяжких категорий преступлений [1, ст. 79, 80]. Эта тенденция отражает общемировую практику дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, но при этом вызывает дискуссии о ее соответствии принципу гуманизма. Ряд авторов, таких как А. С. Аветисян и Э. К. Боташев, в своих работах подчеркивают, что чрезмерное удлинение сроков «отсидки» до возможности освобождения снижает стимулирующую роль этих институтов и ведет к деморализации осужденных, которые теряют надежду на скорое освобождение [17; 20].

Нельзя обойти вниманием и историческую трансформацию социально-правового значения рассматриваемых институтов. Изначально они воспринимались как акт милости, затем - как инструмент исправления и перевоспитания, а в современном понимании - как неотъемлемый элемент системы сдержек и противовесов, обеспечивающий динамическую безопасность пенитенциарной системы. Они позволяют администрации исправительных учреждений эффективно управлять поведением осужденных, предоставляя им позитивную мотивацию, а обществу - снижать издержки на содержание заключенных и получать адаптированного к жизни на свободе гражданина [21; 28, с. 19]. При этом, как показывает анализ зарубежной практики, эффективность этих институтов напрямую зависит от развитости системы постпенитенциарного контроля и помощи. Во многих странах условно-досрочно освобожденный не просто «выбрасывается» на улицу, а становится под надзор специализированной службы, которая помогает ему с трудоустройством, жильем, лечением от зависимостей [9, с. 217; 14, с. 458].

В российском законодательстве вопросы постпенитенциарного контроля регулируются нормами уголовно-исполнительного кодекса и ведомственными приказами, в частности, возложением обязанностей, контролем уголовно-исполнительных инспекций. Однако, как справедливо отмечают исследователи И. А. Давыдова и А. Ю. Альбеева, механизм реализации этого контроля зачастую носит формальный характер и не подкреплен реальными ресурсами для оказания социальной помощи [25]. В отличие от, например, скандинавских стран, где пробационные службы обладают широкими полномочиями и бюджетом для организации работы с освобожденными, российская система сталкивается с кадровым дефицитом и перегруженностью инспекторов. Это существенно снижает эффективность УДО как средства предупреждения новых преступлений.

Таким образом, историческое развитие институтов досрочного освобождения представляет собой маятникообразное движение между идеями гуманизма и социальной защиты, между формальными и оценочными критериями. Сравнительно-правовой анализ демонстрирует, что, несмотря на различия в процедурах и субъектах принятия решений, все развитые правопорядки приходят к пониманию необходимости наличия гибких механизмов корректировки назначенного наказания в зависимости от поведения осужденного и изменений его личности. Российская модель, вобравшая в себя как дореволюционные традиции судебного контроля, так и советский опыт стимулирования правопослушного поведения, продолжает развиваться, сталкиваясь с вызовами современности. Изучение генезиса норм об УДО и замене наказания позволяет сделать вывод о том, что данные институты являются неотъемлемой частью любой прогрессивной уголовно-правовой системы, стремящейся не только карать, но и исправлять преступника, возвращая обществу полноценного гражданина. Заложенные в прошлом принципы продолжают влиять на современное правоприменение, требуя от законодателя и правоприменителя глубокого понимания природы этих явлений для выработки взвешенных и эффективных решений, способных гармонизировать интересы личности, общества и государства. Именно такой историко-компаративный подход позволяет сформировать целостное представление о предмете дальнейшего исследования и выявить те проблемные узлы, которые будут подвергнуты детальному анализу в последующих главах настоящей работы.

Проведенное в рамках настоящей работы исследование институтов условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих как теоретическое, так и практическое значение. Актуальность темы обусловлена

той ключевой ролью, которую данные институты играют в системе уголовно-правовых мер, выступая важнейшими инструментами стимулирования правопослушного поведения осужденных, их ресоциализации и гуманизации уголовной политики. Одновременно с этим, как показал анализ, правовое регулирование и практика применения УДО и замены наказания сопряжены с многочисленными проблемами, требующими осмысления и выработки научно обоснованных рекомендаций по их разрешению.

Историко-правовой анализ, проведенный в первой главе, позволил установить, что институты досрочного освобождения прошли длительный путь эволюции от единичных актов помилования до системного законодательного регулирования. Их развитие неразрывно связано с изменением философии наказания, отказом от исключительно карательного подхода в пользу идей исправления и гуманизма. Российское законодательство, вобрав в себя как дореволюционные традиции судебного контроля, так и советский опыт стимулирования правопослушного поведения, сформировало собственную модель, основанную на сочетании формальных критериев (отбытие определенной части срока) и материального основания – убеждения суда в том, что для исправления лицо не нуждается в полном отбывании наказания. Сравнительно-правовой анализ продемонстрировал многообразие подходов к регулированию данных институтов в зарубежных правопорядках, что открывает возможности для заимствования наиболее эффективных механизмов, в частности, в части использования прогностических методик оценки риска рецидива и развития системы пробации.

Исследование юридической природы УДО и замены наказания позволило сделать вывод о комплексном характере данных институтов, сочетающих элементы субъективного права осужденного и дискреционных полномочий суда. Осужденный имеет право инициировать процедуру после отбытия установленной части срока, но окончательное решение принимается судом на основе оценки всей совокупности данных о личности и поведении. Социально-правовое значение рассматриваемых мер раскрывается в их стимулирующей функции, направленности на ресоциализацию осужденных, экономии мер уголовной репрессии и реализации принципа гуманизма. Однако реализация этого потенциала напрямую зависит от четкости законодательных формулировок и качества правоприменительной деятельности.

Анализ оснований, условий и критериев применения УДО, проведенный во второй главе, выявил ключевую проблему – оценочный характер понятия «исправление» и отсутствие его легальной дефиниции. Это порождает неединообразие судебной практики, субъективизм при принятии решений и зависимость результата от множества факторов, не всегда связанных с действительной степенью исправления осужденного. Особую остроту приобретают проблемы учета дисциплинарных взысканий, оценки отношения к труду, возмещения вреда, а также определения роли администрации исправительных учреждений и потерпевших. Практика демонстрирует, что суды нередко ориентируются на формальные показатели, игнорируя необходимость глубинного анализа личности и динамики ее изменений.

Исследование процедурных аспектов замены неотбытой части наказания более мягким видом показало, что данный институт, обладая значительным потенциалом для постепенной адаптации осужденных к жизни в обществе, используется недостаточно активно. Основные причины этого – недоверие судов к эффективности контроля за исполнением альтернативных наказаний, недостаточное развитие инфраструктуры исправительных центров и уголовно-исполнительных инспекций, а также пробелы в правовом регулировании порядка выбора конкретного вида наказания при замене. Кроме того, процедура замены страдает от тех же проблем, что и УДО: формализма при оценке поведения осужденного, зависимости от немотивированного мнения администрации, сложностей с учетом возмещения вреда и мнения потерпевших.

Анализ судебной и уголовно-исполнительной практики, проведенный в третьей главе, подтвердил наличие устойчивых негативных тенденций: снижение доли удовлетворяемых ходатайств об УДО, значительные региональные различия в подходах судов, формализм при оценке критериев исправления, недостаточное использование потенциала психологической службы, низкую эффективность постпенитенциарного контроля. Выявленные противоречия носят системный характер и не могут быть устранены путем точечных изменений. Они свидетельствуют о необходимости комплексного реформирования как законодательства, так и правоприменительной практики.

Исходя из этого, в работе предложены основные направления совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и правоприменительной деятельности. К числу приоритетных относятся: конкретизация в законе критериев исправления, подлежащих учету судом; совершенствование правового регулирования сроков, по истечении которых возникает право на обращение с ходатайством; уточнение перечня наказаний, на которые может быть произведена замена, и порядка действий суда при невозможности исполнения избранного вида наказания; развитие института пробации и его интеграция с механизмами досрочного освобождения; внедрение единых стандартов подготовки характеристик на осужденных и обеспечение их объективности; совершенствование процессуальных норм, регулирующих участие потерпевших; внедрение научно обоснованных методик прогнозирования поведения осужденных; расширение применения электронных средств контроля; повышение квалификации судей и сотрудников уголовно-исполнительной системы; обобщение судебной практики и подготовка новых разъяснений Пленума Верховного Суда РФ.

Важно подчеркнуть, что предлагаемые меры должны реализовываться комплексно, с учетом необходимости соблюдения баланса между интересами осужденного, потерпевшего и общества в целом. Недопустимо как неоправданное ужесточение практики, блокирующее возможность досрочного освобождения для лиц, доказавших свое исправление, так и необоснованное смягчение, создающее угрозу общественной безопасности. Ключевым условием эффективности институтов УДО и замены наказания является создание полноценной системы ресоциализации и постпенитенциарного контроля, которая позволит не только принимать обоснованные решения об освобождении, но и обеспечивать реальную поддержку освобожденным, минимизируя риски рецидива.

Проведенное исследование не претендует на исчерпывающий анализ всех аспектов столь сложной и многогранной темы. Дальнейшей научной разработки требуют вопросы дифференциации применения УДО и замены наказания к отдельным категориям осужденных (несовершеннолетним, женщинам, лицам с психическими расстройствами), проблемы внедрения и использования прогностических методик, совершенствование механизмов взаимодействия судов с органами пробации и общественными организациями, а также анализ эффективности уже принятых законодательных изменений. Вместе с тем, сформулированные в работе выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой деятельности, в практике судов и уголовно-исполнительной системы, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в

области уголовного права и криминологии. Только последовательное движение по пути совершенствования правового регулирования и правоприменительной деятельности позволит реализовать заложенный в институтах досрочного освобождения огромный гуманистический и профилактический потенциал.

Литература

1. Боровиков В. Б. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / В. Б. Боровиков, А. А. Смердов ; под ред. В. Б. Боровикова. - 8-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2026. - 263 с.
2. Бриллиантов А. В. Уголовное право России (Общая и Особенная части) / А. В. Бриллиантов. - Москва : Проспект, 2015. - 1184 с.
3. Голубовский В. Ю. Уголовное право России. Общая и Особенная части : учебник / В. Ю. Голубовский, М. Ф. Костюк, Е. В. Кунц. - Москва : Проспект, 2020. - 736 с.
4. Комиссаров В. С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть / В. С. Комиссаров, Н. Е. Крылова, И. М. Тяжкова. - 2-е изд., стереотип. - Москва : Статут, 2014. - 879 с.
5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. - 12-е изд., перераб. и доп. - Москва : Юрайт, 2012. - 1359 с.
6. Рарог А. И. Уголовное право России. Части Общая и Особенная / А. И. Рарог. - Москва : Проспект, 2017. - 896 с.
7. Четвертакова Е. Ю. Уголовное право Российской Федерации в схемах : учебное пособие / Е. Ю. Четвертакова. - Москва : Юрайт, 2024. - 286 с.
8. Чучаев А. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / А. И. Чучаев. - Москва : Контракт ; ИНФРА-М, 2013. - 672 с.
9. Научные статьи и периодические издания
10. Аветисян А. С. Актуальные проблемы применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания и возможные пути их решения / А. С. Аветисян // Вестник магистратуры. - 2024. - № 7 (154). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-primeneniya-uslovno-dosrochnogo-osvobozhdeniya-ot-otbyvaniya-nakazaniya-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya (дата обращения: 28.02.2026).
11. Афанасьева О. Р. О некоторых аспектах применения условно-досрочного освобождения от отбывания наказания / О. Р. Афанасьева // Ведомости уголовно-исполнительной системы. - 2021. - № 4 (227). - С. 6–17. - DOI: 10.51522/2307-0382-2021-227-4-6-17.

Institute of Parole: Theory and Practice of Implementation

Sinitsina M.V.

Tula Region Military Commissariat

Parole and parole institutions occupy a special place in the system of criminal law measures. As key elements of humanizing criminal policy, they are designed to encourage law-abiding behavior in convicts, promote their rehabilitation and resocialization, and reduce the burden on penal institutions by using state coercion. Effective implementation of these institutions not only achieves the goals of punishment without further isolating the individual from society but also returns them to society as full-fledged citizens who have lost their criminal tendencies.

Keywords: parole, humanization of criminal policy, isolating the individual from society, penal system

References

1. Borovikov VB Criminal Law. General Part: textbook for universities / VB Borovikov, AA Smerdov; edited by VB Borovikov. - 8th ed., revised and enlarged. - Moscow: URAYT, 2026. - 263 p.
2. Brilliantov AV Criminal Law of Russia (General and Special Parts) / A. V. Brilliantov. - Moscow: Prospect, 2015. - 1184 p.
3. Golubovsky VY Criminal Law of Russia. General and Special Parts: textbook / VY Golubovsky, MF Kostyuk, EV Kunts. - Moscow: Prospect, 2020. - 736 p.
4. Komissarov VS Criminal Law of the Russian Federation. General Part / V. S. Komissarov, N. E. Krylova, I. M. Tyazhkova. - 2nd ed., stereotype. - Moscow: Statut, 2014. - 879 p.
5. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation / ed. V. M. Lebedev. - 12th ed., revised and enlarged. - Moscow: Yurait, 2012. - 1359 p.
6. Rarog, A. I. Criminal Law of Russia. General and Special Parts / A. I. Rarog. - Moscow: Prospect, 2017. - 896 p.
7. Chetvertakova, E. Yu. Criminal Law of the Russian Federation in Diagrams: a study guide / E. Yu. Chetvertakova. - Moscow: Yurait, 2024. - 286 p.
8. Chuchaev A. I. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article) / A. I. Chuchaev. - Moscow: Contract; INFRA-M, 2013. - 672 p.
9. Scientific articles and periodicals
10. Avetisyan A. S. Actual problems of applying parole and possible solutions / A. S. Avetisyan // Bulletin of the Magistracy. - 2024. - No. 7 (154). - URL: https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-problemy-primeneniya-uslovno-dosrochnogo-osvobozhdeniya-ot-otbyvaniya-nakazaniya-i-vozmozhnye-puti-ih-resheniya (date of access: 02/28/2026).
11. Afanasyeva O. R. On some aspects of the application of parole from serving a sentence / O. R. Afanasyeva // Bulletin of the criminal-executive system. - 2021. - No. 4 (227). - P. 6–17. - DOI: 10.51522/2307-0382-2021-227-4-6-17.